

Жуковский В.А.

**Полное собрание сочинений и
писем. Дневники. Письма-
дневники. Записные книжки.
1834-1847. Том 14**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж86

Ж86 **Жуковский В.А.**
Полное собрание сочинений и писем. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834-1847. Том 14 / Жуковский В.А. – М.: Книга по Требованию, 2021. – 800 с.

ISBN 5-9551-0038-5

Том 14.

ISBN 5-9551-0038-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1834—1847**

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2004

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16145

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Вётшева, Э. М. Жиликова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834—1847 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 768 с., ил.

ISBN 5-9551-0038-5

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 13-м и 14-м томах собрана дневниковая проза Жуковского, включающая три взаимосвязанных раздела: собственно дневники, письма-дневники и записные книжки.

В 14-м томе опубликованы дневниковые записи 1834—1847 гг., которые включают материалы «Конспективных заметок о смерти Пушкина», путешествия с nasledником по России 1837 г., третьего заграничного путешествия 1838—1839 гг., записной книжки «Мысли и замечания», а также историю женитьбы на Елизавете Рейтерн и последующей жизни в Германии. Том завершается приложением, содержащим краткую летопись жизни и творчества поэта и аннотированный указатель имен к 13 и 14 томам.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0038-5

© О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.
Редакция тома 14, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

**ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ**

1834—1847

ГОДОВ

⟨Апрель⟩

Апреля 17. Вторник на Страстной неделе. Ныне совершеннолетие великого князя¹. Мы поздравили друг друга со слезами после заутрени. Он вспомнил своего почтенного Карла Карловича², о котором нельзя вспомнить без чувства любви. Прекрасное чувство, которое меня порадовало. Павский читал наставление³, весьма хорошо написанное, но читал со своею обыкновенною застенчивостью. После чтения сего пошли к императрице: я начал молитвы и притчу. — Был у Хитровой⁴. Наше общество подобно нашему климату и нашей болотной природе: в нем всякое теплое, бескорыстное чувство умирает; об энтузиазме не спрашивай; не только не можешь ни с кем поделиться теми чувствами, которые имеешь про себя, в уединении, но робеешь их встретить, не находишь слов для их выражения и даже как будто становишься им чужд. Тебе не верят и тебя считают лицемером или фразером, и в самом деле ты становишься фразером: наше красноречие зависит много от симпатий слушателей. Когда нет этой симпатии, чувство сжимается, как цветок от холода, оставишь одни слова, и все делаешь безжизненной фразою. — Обедал с Кавелиным⁵: нас не пригласили за семейный стол, как это было раза два или три. Они не умеют дать высоты нашему делу, и оно давно уже обратилось во что-то малопочетное. А как бы могло идти хорошо, когда бы имели настоящее об нем понятие. — Вечеру новое доказательство того, что я заключил поутру. Одно слово в молитвах по случаю присяги наследника уже замечено и пущено в ход⁶: пред ним вся трогательность обряда исчезает. Проклятый едкий русский ум. Злой ум рабов, в которых никто внести не может развития. Пошел по сему случаю к Сперанскому⁷, но имел разговор с Государем. Переменить слова в лексиконе нельзя, а уничтожить законное право можно; кто согласит эти противоречия. Вечер у Вяземского.

Апреля 18. У заутрени, потом у обедни в Аничковском дворце. — После обедни был у великой княгини. Мысль о годе учения в Берлине. Нам нужно достоинство национальное, чем более Государь будет возбуждать его, тем более будет развиваться любовь к Государю. Иначе она угаснет, а с нею ослабнет и сила самодержавия, а с силою самодержавия исчезнет и сила России. Был у Блудова. Обедал у великого князя. После обеда читал Записки Манштейна⁸: наше время все лучше этого времени. В каких руках был этот бедный князь Петр II, и эти люди хотели составить олигархию. Самодержавие республики в сравнении с деспотизмом олигархов и русскою олигархией. — Исповедовался в Аничковском дворце. Императрица, прощаясь со мною, сказала: je vous demande penser de mes orémus*. Великий князь плакал

* Я Вас прошу помнить о моих молитвах (фр.).

сильно опять о своем Мердере. Где же он? На земле или уже подле ангелов выше земли? — Надобно составить книжку для недели страстной. Франклиновы таблицы⁹ и вопросы для нового дня.

Апреля 19. Четверг. Причащение. Обедал у Карамзиных. Вечеру в $\frac{3}{4}$ десятого часа услышал от Государыни печальную весть о кончине нашего несравненного Карла Карловича. Он умер в Риме двадцатого марта¹⁰. Великому князю не будет сказано прежде вторника.

⟨Май⟩

21 мая. Попробую снова начать журнал свой. Какая невозвратная потеря! Если бы я писал свой журнал, у меня было бы прошедшее, и я сие настоящее умел бы объяснить воспоминанием бывшего. Нечего делать. Схватим хотя несколько лет жизни, если только лета мне остались и если будет довольно решимости и постоянства, чего никак не надеюсь: я слишком привык все откладывать, хотя раз в неделю будем бросать взгляд на нее. Будем писать для великого князя. Мои сношения с ним, в течение времени, от обстоятельств, которые должны нас обогатить, вместо того чтобы утвердиться и обратиться в привычку, сделались чем-то весьма слабым: мы бываем вместе, но той связи душ, которая должна существовать между нами, нет.

Я часто думаю и с большим огорчением (которое наконец обратилось в какое-то постоянное чувство уныния, лишившее меня всякой бодрости), что между мной и вами нет той связи, которая бы существовать долженствовала. И лета и обстоятельства вместо того, чтобы утвердить ее, произвели какое-то отчуждение; я живу вместе с вами, но не для вас; смотрю за ходом вашего учения, то есть за материальною его частью, но на собственную деятельность вашу, которая одна может сделать полезными для вас ваши знания, почти не имею влияния. Вне учения мы бываем иногда вместе, то есть или в одной комнате или в одном обществе; но это только для глаз; ни чувством, ни мыслию мы не делимся. Многие замечания, которые мне удастся сделать, которые были бы полезны и которые хотелось бы сообщить вам, исчезают без пользы, ибо нет ни случая, ни времени передавать их. Такие замечания и приятны и полезны только тогда, когда они рождаются вдруг, непринужденно, в откровенности дружеского разговора: приходить с ними в некоторые известные часы могло бы в положении наставника, при всей своей благонамеренности, сделаться наконец скучным. Но с горем я должен признаться, что роль моя при вас ограничивается этим скучным наставничеством. Вы часто слыхали от меня многое доброе, сказанное по случаю, во время наших лекций; но это все короткие эпизоды, без отношения один к другому; слова, если не брошенные на ветер, то конечно уже не столь полезные, как могли бы быть, когда бы существовала между нами взаимная тесная связь, основанная на доверенности, на дележе всего, что составляет нашу теперешнюю жизнь, которая должна бы быть общею и которая теперь разорвана на части.

Не знаю, как поправить это — ибо всего труднее поправлять то, что вошло нечувствительно в привычку и утверждено на мелких ежедневных обстоятельствах, которыми так стеснена наша жизнь, — я решился наконец прибегнуть к единственному оставшемуся мне средству: к переписке; раз в неделю буду писать к вам. Если эта переписка не подружит вас со мною, так как бы подружил [нрзб.] во всем расстоянии, то конечно она послужит к тому, чтобы обратить ваши размышления на мысли о любимых близких вам предметах и на вас самих: вам нельзя не иметь ко мне доверенности и уважения, вам нельзя не верить моей бескорыстной к вам привязанности; и так замечания мои будут вам приятны и вы конечно будете принимать их с дружеским чувством. Эти письма будут для вас одних (разумеется, что они могут быть показываемы А. А.)¹¹; ответов письменных на каждое я не требую; но то, чего имею право надеяться, есть внимание. Вы можете иногда быть со мною и не согласны или можете остаться в недоразумении насчет сказанного мною: в таком случае отвечайте, делайте свои возражения; это будет особенно для меня приятно, и чем чаще, тем лучше, письменно или словесно, как хотите.

Вы удивитесь, может быть, когда скажу вам, что неудовольствие на вас подает повод к первому письму моему. Вот моя история. Вчера, после нашего чтения, вы простились с князем Ливеном и князем Голицыным и благоволили пройти мимо меня, не удостоив и кивнуть мне вашею великокняжескою головою. Разумеется, что это было без намерения, вы просто не видели, что я тут, или были в рассеянии. Но это было для меня весьма неприятно. — Я имею право быть в неудовольствии. Вам не должно позволять себе в отношении ко мне и такого невнимания: я слишком взыскателен и должен быть с вами взыскателен. И по вашим обязанностям в отношении меня, и по тому чувству признательности, которого вы не можете не иметь ко мне, и по особенному вашему званию вы должны необходимо сохранять все приличия, не только по чувству, но и по наружности. Одних знаков уважения без самого уважения, конечно, недостаточно: это было бы одно притворство. Но и уважение без знаков уважения так же недостаточно. Несоблюдение приличий, произвольно ли оно или нет, всегда оскорбительно, а вам, как великому князю, это соблюдение необходимо более нежели кому-нибудь. [Между равными насчет этих приличий не может быть такой взыскательности, как между высшими и низшими. Между вами и мною другое дело. По своему будущему званию вы, разумеется, выше меня (на ту степень не вы себя поставили, а ваша высокая царская порода), и это не может быть иначе, но по теперешним нашим взаимным отношениям я выше вас и останусь выше вас до тех пор, пока мое дело при вас не кончилось.]¹³ Если вы не приобретете привычки¹⁴ *всегда* наблюдать сии приличия, если позволите себе их пренебрегать, то вы испортите нечувствительно свой характер, и я не могу довольствоваться от вас одним чувством уважения, которого вы не можете не питать ко мне, я хочу и требую, чтобы вы мне и *показывали* уважение. Насчет этого я взыскателен и должен быть взыскателен. В присутствии же других вам это должно быть и приятно.

Власть царей происходит от Бога, а самовластие царей происходит от черта¹⁵.

⟨Июнь⟩

*1 июня*¹⁶. *Суббота*¹⁷.

Июня 2. Воскресенье.

Часы

6—7	}	Переезд импер⟨аторской⟩ фамилии в Петергоф.
7—8		

Июня 3. Понедельник.

Июня 4. Июнь. Вторник.

Часы

11—12	Мой переезд в Петергоф.	
1—2	Арсеньев. О ратном деле до Петра ¹⁸ .	
2—3	Плетнев ¹⁹	} Чтение статьи ⟨о⟩ Екатерине и Павле.
3—4	Плетнев	
	см. ни⟨же⟩	
	Чтение Пеллико ²⁰ .	

Во время лекций разговор о Екатерине. Великий князь слушал с каким-то холодным недоверчивым невниманием, я спросил о причине одного; ответ был уклонительный. Должно об этом переговорить после. Я напомнил ему, что он должен бояться предубеждений и что в сношении со мною должен наблюдать совершенную искренность. — После обеда он поспешил уехать. — Наша жизнь раздроблена совершенно. Мое влияние на него ничтожно. Бываю и могу быть с ним только в часы учебные; во все другие я ему чужой. Отчего это? Не нужно ли бывать с ним чаще? Но когда? Только во время прогулок? — Во всякое другое время или уроки, или занятия для уроков. Все же свободное время принадлежит не ему. Я для него только представитель скуки. А сколько помехи во всем остальном. Посреди каких идей обыкновенно кружится бедная голова его и дремлет его сердце! Что же делать, чтобы иметь более хорошего на него действия? Чем произвести с ним свычку?

Июня 5. Июнь. Среда.

Часы

6—7	По болезни великого князя учения не было.
12—1	Разговор с Нефом ²¹ .
1—2	Чтение Записок Пеллико, продолжавшееся недолго. В⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ заснул.
2—3	История ⟨?⟩ Ж. и кн⟨язь⟩ Волконский.
5—6	Чтение [Записок Пеллико] описания путешествия во Флоренцию.
7—8	Прогулка с Ушаковым ⟨?⟩.

8—9 На молитве с Крейтоном (?).

9—10 Письмо от Вьельгурского. У Рауха. Вечером с Дубенской.

Был разговор с великим князем о Екатерине. Все упреки, которые она заслуживает от потомства, падают на нее от первого ее шага, принужденного, но не правого. От него начинают находить полезным убийство Петра III, в коем воля ее невинна. Убийство Иоанна Антоновича есть необходимое следствие преступления, до нее совершившегося. Вражда с Павлом есть также следствие первой неправды: за трон заплатила она чувством матери. Но ее развратная жизнь принадлежит уже совершенно ей самой. Сколько ж за то с другой стороны и великого. *La reconnaissance qu'on ressent pour un grand Souverain est un sentiment sublime, car il est désintéressé et entouré (?) en même temps d'idées grandes**.

Во время чтения, при котором присутствовал Паткуль, великий князь забылся: он, лежа, протянул ноги и положил их на колени Паткуля. Я взглянул на эти ноги; в(еликий) к(нязь) почувствовал неприличие и переменял положение. Правила: *N'exposez pas ceux qui sont près de vous à rien qui peut les abaisser: vous les blaisez et les éloignez de vous et vous vous abaissez vous même par ces marques d'une fause supériorité, qui ne consiste pas à faire sentir aux autres leur petitesse, mais à leur inspirer par votre présence le sentiment de votre dignité et de la leur. — Il n'y a qu'une âme basse qui croit s'élever au dessus des autres par leur abaissement: l'élément ou vit une âme grande est pur; elle ne se plaît que là ou tout lui ressemble; elle aime la noblesse des autres parce qu'elle est noble elle même. — Il vaut mieux être obéir par les hommes libres que par les esclaves. Pour les uns le Souverain est le représentant d'une puissance divine indispensable pour les choses humaines comme Dieu lui-même l'est pour l'univers; pour les derniers le Souverain n'est qu'un maître qui les tient en bride, obéir parce qu'il est puissant, mais haïr secrètement, parce que sa puissance est avilissante et paraît être une usurpation parce qu'elle passe les bornes du droit***.

* Благодарность, которую мы ощущаем к великому государю, это — возвышенное чувство, потому что оно бескорыстно и вместе с тем сопряжено с высокими мыслями (*фр.*).

** Не подвергайте тех, кто вас окружает, чему-либо такому, что может их унижить; вы их оскорбляете и отдаляете от себя, и вы унижаете самих себя этими проявлениями ложного превосходства, которое должно заключаться не в том, чтобы давать чувствовать другим их ничтожество, но в том, чтобы внушать им вашим присутствием (?) чувство вашего и их достоинства. Только низкая душа может считать, что она возвышается над другими, унижая их: стихия, в которой живет высокая душа, чиста, она хорошо чувствует себя лишь там, где все подобно ей; она любит благородство других потому, что сама благородна. — Лучше, чтобы вам повиновались свободные люди, нежели рабы. Для первых государь — это представитель Божественной власти, необходимой для людских дел, как сам Бог (необходим) для вселенной; для последних (же) государь — это только господин, который держит их в узде, которому повинуются потому, что он могуществен, но втайне ненавидят, потому что его власть унижительна и могла бы стать узурпацией, потому что она переходит за пределы права (*фр.*).

В(еликий) к(нязь) не дослушал чтения; это было неприлично. Чтение не могло долго продолжаться. Если бы он дал мне его докончить, то доказал, что слушал с удовольствием. Такого рода принуждение необходимо: не надобно привыкать употреблять других только для себя: надобно к ним иметь внимание. А ко мне и подавно. Избави Бог от привычки видеть одного себя центром всего и считать других только принадлежностью, искать собственного удовольствия и собственной выгоды, не заботясь о том, что это стоит для других: в этом есть какое(-то) сибаритство, самовольство, эгоизм, весьма унижительный для души и весьма для нее вредный.

Июня 6. Четверг.

Часы

7—8	}	Выписки из Ансильона ²² .
8—9		
9—10		
10—11		
11—12		
12—1	}	У императрицы в Монплеzure.
1—2		Варанд (?).
2—3		
3—4		Эртель. Чтение Валленштейна ²³ .
8—9		Чтение Пеллико.
9—10		У меня Вьельгорский.

Народ, не имеющий литературы, — это ребенок, еще не научившийся говорить. Бывает долгое, бывает и вечное ребячество. Народ необразованный, быстро вступающий в среду образованных, чрез то заимствует у них без приготовления их образованность: его литература не может иметь оригинальности или терять ее. Для нас не было ни классической литературы, ни собственно народной: первой лишила нас греческая вера и татары; последняя почти вся погибла; теперь начинают добираться до народности, но и это подражание. Климат, однообразная природа, политические причины, равнодушие правительства или его невежество, нестойкость, расположение все пренебрегать и над всем издеваться. Вопрос: какою должна быть судьба России, если взять в рассуждение ее историю, ее политическую жизнь и характер ее народа?

Июня 7. Пятница.

Часы

7—8	}	Чтение Ансильона.
8—9		
10—11		Лекция Арсеньева. Разговор о письмах (?).
11—12		
12—1		Прогулка.
1—2	}	Чтение в лекции Плетнева сочинений Екатерины.
2—3		
3—4		Обедал у в(еликих) княжен.
7—8		Прогулка.